

Д. В. ЦВЕТАЕВ

Странные приемы исторической критики

<Фрагменты>

Автор каждого ученого произведения должен вполне владеть избранною темою и иметь воззрения на предмет, выработанные путем тщательного изучения как основ его, так и соответственной литературы. Требования эти в отношении к исследователям давно уже установились в русской науке. Относительно же критиков и рецензентов мы много снисходительнее. Специальные, самостоятельно добытые познания в разбираемом предмете встречаются у критиков сравнительно в редких случаях; но как бы ни было снисходительно отношение к ним со стороны читателей, все же основательное знакомство с главными частями предмета и с главною научною литературою обязательно для каждого, собирающегося критиковать других. Без этого условия критику вещи не могут представляться в их надлежащем объеме и в их действительном взаимном соотношении, а его собственные суждения и ссылки постоянно рискуют быть неточными и ошибочными. Даже случайно удачные указания его на что-либо, действительно нуждающееся в исправлении, легко теряются в массе несоответственного делу, и ни сам рецензент, ни обычный и недостаточно внимательный читатель не в силах сознательно выделить эти полезные указания из остального текста сомнительной ценности. И чем старательнее будет рецензент замаскировывать этот пробел разными, якобы научными, видимостями, тем больше нагромоздит он неправильностей. Дело становится еще хуже, когда к недостатку научного знания у рецензента присоединится отсутствие объективности и беспристрастия в передаче и комментировании текста разбираемой им книги и обуяют его стремление к поучению автора исследования и претензии на новые «ученые открытия» и на собственные

теории: из-под пера такого критика уже выходят несообразности, переступающие за пределы не только всяких ожиданий, но и литературных приличий.

Пространная рецензия харьковского профессора г. Амф. Лебедева, помещенная в «Журнале Министерства народного просвещения» (1892, III), принадлежит именно к такому разряду критических статей. Часть его замечаний нами разъяснена в том же «Журнале» (1893, III, 213–261). Что же касается до остальных его «возражений», то, охраняя пред большою публикою официальное достоинство рецензента, мы переносим раскрытие их сюда, на страницы ученого издания, доступного лишь избранному кругу специалистов и обращающегося исключительно в университетской среде.

<...> Первый пример касается наших слов об отношении православия к иноверию. <...> Выражением нашим о снисходительном отношении православия к иноверию, как видно из контекста, объясняется здесь, вместе с другими причинами, только *житейская веротерпимость*, практическое допущение москвитянами того, чтобы чужие люди веровали и молились по-своему, не испытывая насилия над своими религиозными убеждениями. Но каковы, с точки зрения *православного принципа*, эти убеждения в их *догматико-религиозной оценке*, как должно было бы относиться православие к иноверцам, если б они захотели вторгаться в религиозно-церковную область собственно *русскую*, например заходить в русские церкви и т. п., эти вопросы уже иного порядка, и в указанном месте мы их совсем не касаемся (как не касаемся, например, и того, как бы русское «гостеприимство» отнеслось к посяганиям иноземцев на собственность русских). Известно, что православие, раз затрагивали его в его интересах и достоинстве, относилось к иноверию и к иноверцам со всею суровостью, и потому, где трактуется нами об отношении православия и православных к иноверию и иноверцам на догматико-религиозной почве и об их вероисповедном сопоставлении или общении, там вполне ясно отмечаем и эту суровость (11–12 стр. и V–VII гл.). *Такое различие отношений существовало в действительности*, и констатировать его — не значит допускать противоречие собственных мыслей. Между тем вот как комментирует наши слова г. Лебедев:

«Автор говорит о «снисходительности православия к иноверию» (с. 8) и в то же время дает нам знать, что иноверцы, и между ними

протестанты по преимуществу, считались у русских “нечистыми” и даже “погаными” (с. 587); посещение храмов ими считалось осквернением святыни (с. 332)... почему их... считали нужным и перекрещивать (гл. V). Все это, конечно, никак уже не свидетельствует о снисхождении к иноверию со стороны православия».

Что это не свидетельствует о снисходительности с точки зрения тогдашней религиозной оценки, совершенно верно (это ведь мы и доказываем там, где говорить о том следовало): однако нимало *не отрицается* этим и *допущение* чужим людям *веровать и молиться по-своему*, не проповедуется никакого «насилия в делах веры». «Непоследовательность» или «противоречие» объявилось бы в наших словах, когда бы рецензент указал, что мы «даем знать» об отрицании такого допущения, и притом об отрицании, как об общем правиле, если бы он указал, что мы сообщаем о такой именно проповеди. «Перекрещивали» ведь тех иноверцев, которые не хотели долее оставаться в своем прежнем вероисповедании и принимали православие, и перекрещивали их потому, что их прежнее крещение не признавалось таинством: всего этого никак не следовало отождествлять и смешивать с вопросом *о допущении* иноверия в государстве, *о житейской веротерпимости*.

По-видимому, и сам г. Лебедев несколько сознает искусственность своих, не вызванных делом, сопоставлений, как следует заключить из его оговорки: «может быть (sic!), выражение этой снисходительности автор видит в известной свободе вероисповедания, которою иноверцы пользовались в России». Не довольствуясь своей оговоркою, г. Лебедев резонирует, что это выражение снисходительности было «не от тогдашнего фактического (не идеального) православия, которое не хотело бы слышать и духа иноземного на святой Руси, а от правительства». Устремившись оспорить наше положение по существу, критик уклоняется в сторону от своей прямой задачи — указывать внутренние соотношения между нашими мыслями, и не замечает всей странности своего противопоставления православия, о котором у меня речь, тогдашнему московскому правительству, будто бы уже столь чуждому этому православию и якобы не руководствовавшемуся им*. Критик также не замечает, что в своей полемической ревности он проводит здесь мысль,

* Ограничительных слов: «фактического», «не идеального», в моем тексте нет. Да и от «фактического православия» московское правительство совсем не стояло так далеко и обособленно, как это выходит у г. Лебедева.

которую с ограничениями высказывали даже сами протестантские писатели-очевидцы, любившие выдвигать различие между «правительством» и «народом» и набрасывать тени на вероисповедание «москвитов». Свое мнение он затем обосновывает «совершенно справедливым» замечанием г. Соколова, что правительство разрешало свободу вероисповедания «вопреки настроению народных масс, не в духе русской православной громады». Такой ссылкой совершенно неожиданно «фактическое православие» и «настроение народных масс» сближаются как бы до замены одного из них другим. Различие в отношениях к иноверию и иноверцам между русскими народными массами и московским правительством существовало: это научно-историческое положение не принадлежит одному г. Соколову, оно давно общепризнано, хотя и не в таком резком противоположении; в своем месте и мы обрисовываем его в соответствующих действительности размерах и означаем вытекающие отсюда последствия. Но при этом, чтобы не впасть в крайность, надо помнить хотя бы свидетельство Олеария, который записал вообще о русских, без различия: «они предоставляют свободу совести всем, хотя бы это были их подданные или рабы»*. Нельзя также опускать из внимания, что *важнейшим условием* веротерпимости к протестантам мы выставляем не снисходительность к этому православию и не гостеприимство русских, а «политико-экономические и культурные потребности государства, удовлетворявшиеся при содействии полезных иноземцев», против чего не спорит и наш придирчивый критик. И сам он не решается же сказать, что «фактическое православие» проповедовало «насилие в делах веры»; он предпочитает только уклониться от прямого толкования наших слов, выхватывая и произвольно комментируя их без связи с контекстом.

<...> Когда для своего комментирования критик берет второстепенные места книги, содержащие в себе краткие и мимоходные упоминания о чем-либо, рассказанном подробно в другом месте, в этих случаях производить перетолкования при помощи пропусков слов текста оказывается не столь удобно, и критик *употребляет* тогда, помимо известного уже его обычая изменять выражения, и прямую от себя *прибавку слов, не стоящих в тексте*.

<...> В третьей группе своих замечаний г. Амф. Лебедев разбирает наше пользование «источниками», точнее, книгою

* Olearius, издание 1656 г., с. 289; рус. перевод, с. 323.

г. И. Соколова: «Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках» (М., 1880).

Положив в основу своих изысканий, насколько было нам возможно, архивные, рукописные и печатные материалы, мы старались критически воспользоваться, как нами заявлено и в предисловии к книге, и «относящуюся сюда научною обработкою» изучаемого нами вопроса. Поэтому сочинения, более охватывавшие ту или иную его сторону, должны были и более отражаться в нашем изложении, и работы, чаще и более других впадавшие в ошибки, должны были и чаще других подвергаться критическим исправлениям. В таком положении, вместе с некоторыми другими сочинениями, оказалась книга г. Соколова, которая, довольно подробно трактуя об одной из сторон взятого нами предмета, в особенности переполнена всякого рода ошибками и неточностями. Возможно при этом, что в многочисленных наших ссылок на соответствующую литературу встретятся и такие, которые лицам, малознакомым с литературою предмета, могут показаться не вполне достаточными. Но совершенно другое хотел бы приписать нашему исследованию г. Амф. Лебедев. По его уверению, «справедливость требует сказать», будто мы «предпочитали черпать» из «одного» «источника», именно, из книги г. Соколова, так что «все время», как писали мы «свое сочинение, или прежде — статьи, из которых оно составлено», эта книга нам «служила для двух целей: а) негласного заимствования из нее руководящих суждений и б) громкого обличения фактических неточностей, которых в ней действительно немало»...

Первым случаем подобного предпочтения нами этого «источника» (научно следовало бы сказать: «пособия») г. Амф. Лебедев приводит *полторы строки* из обширного введения к исследованию, именно, что протестанты, «в силу особенностей своего вероучения, менее католиков должны были ревновать о вероисповедной пропаганде». Пожалуй, они отчасти напоминают собою следующие слова г. Соколова по поводу веротерпимости в России «со времен Грозного»: «по духу своего учения, они (протестанты) не столько вмешивались в политические дела государства, сколько католики, и не столько ревновали о распространении своего учения»*. Но, *выдавая эти слова за самостоятельные у г. Соколова, критик*

* Соколов, 4 с. Слова эти приводятся нами по подлиннику, а не в произвольной переделке критика.

сразу же обнаруживает свое неведение литературы вопроса. Категорическое выражение г. Соколова на деле оказывается почти буквальным воспроизведением суждения из цитируемой и даже подробно критически разбираемой мною в своем месте статьи проф. И. М. Снегирева, который предпочтение со стороны Грозного лютеран католикам объяснял тем, что «первые, по духу учения своего, не столько вмешивались в политические дела государства, сколько последние, и не ревновали, подобно католикам, о пропаганде»*. Суждение Снегирева, сделавшееся потом в соответственной литературе общепринятым (иногда повторялось и почти буквально), должно было в известной мере отразиться и в нашем изложении. Мысль, что протестанты, по самому духу учения, менее католиков ревновали о распространении своего учения в России, г. Соколов, вслед за Снегиревым, признал как *положительный факт*; у нас же, за недостаточностью прямых исторических свидетельств об этом, допущена она лишь предположительно, *принципиально* («должны были»), в силу *логической* связи между особенностями учения и вытекающими из них последствиями. Согласно со Снегиревым, у нас говорится о «ревности в вероисповедной пропаганде», а не в «распространении учения» вообще, которое часто совершается и помимо пропаганды. Введение, из которого взяты г. Амф. Лебедевым наши слова, заключает в себе, на 14 страницах, общее обозрение и объяснение содержания всей книги, сжатое изложение имеющих и доказываемых в ней мыслей, положений и выводов, как принадлежащих лично нам, так, в той или иной мере, принятых нами от предшественников**. Чтобы предшествующие сочинения не отразились в нем в нескольких строках, это понятно само собою. Такой «самостоятельности» не станет искать никто, изучающий предмет в целом объеме и обязанный принимать во внимание по возможности всю литературу.

* Снегирев. О начале и распространении лютеранских и реформатских церквей в Москве // Москвитянин. 1843. VI, 272 (статья была потом перепечатана в «Прав. обозр.», 1862. XI). — Мысль о различии протестантов и католиков в склонности к пропаганде тоже не оригинальная у Снегирева: она ясно была сознаваема еще в Московский период и издавна циркулировала в русской литературе.

** Ввиду такого служебного значения введения вся литература предмета, имеющая прямое отношение к нашему исследованию, цитируется и, когда надо, характеризуется в самом исследовании.

Объявляя это частное положение из введения «готовым мнением», якобы «воспринятым» нами у г. Соколова, г. Лебедев спешит со своими опровержениями его по существу, и, по обычаю, настолько произвольными*, что после них уже нас нимало не удивляет приводимый им второй пример «заимствования» из той же книги...

<...> Между тем... *эти два примера*, как было... доказано, — *плод творчества самого критика*. На чем же основываются инсинуирующие разглагольствования г. Амф. Лебедева о «подавляющем» значении книги г. Соколова и о постоянных («все время») «заимствованиях» нами из нее руководящих мыслей в настоящем нашем исследовании и в прежних наших статьях? Более обильны указания рецензента на предполагаемые им «заимствования» в VII главе нашей книги.

Доля прямого значения книги г. Соколова для нас в этом месте вызывалась сущностью дела и положением литературы вопроса. Предмет VII главы нашего исследования во многом совпадает с главной основой, на которой г. Соколов строит выполнение своей задачи: и у нас, и у г. Соколова обозревается здесь русская противоположностная полемическая литература. Суждение наше об этой важнейшей части в книге г. Соколова близко к мнению проф. И. И. Малышевского, к подробной рецензии которого мы и отсылали читателя (513 стр.), и значительно мягче приговора, выраженного А. Н. Пыпиным («Вестник Европы», 1885, V). И хотя, после общего указания на нее в начале VII главы, мы *могли бы потом*, излагая частности, повторительно и совсем *не ссылаться* на нее в данной главе, как поступали относительно других сочинений (напр., в VIII главе — по отношению к работам Пыпина и Брикнера, означенным нами в начале главы); однако в наиболее важных местах мы считали надобным снова *цитировать* и *это сочинение*, вместе со статьями А. Никольского и других авторов. Не понимаем поэтому, зачем г. Лебедеву понадобилось *утаивать* от глаз читателя *существование таких* прямых и ясных *ссылок*.

* Мы говорим об «особенностях вероучения» протестантов и о выходящих отсюда последствиях, а рецензент, подменивая это понятие другим, трактует «об особенностях религиозного самосознания» протестантства; о силе и значении этого самосознания, как видно и из слов рецензента, у меня речь в других местах книги. Особенности вероучения всегда непосредственнее всего проявляются в устройстве и организации церковной иерархии.

Мы приведем эти случаи, просмотреть которые рецензент не мог и скрывать которые он не имел никакого права. Кроме зависимости от книги г. Соколова в суждении об ответе Грозного пастору Роките, где повторяемую нами частную мысль следовало бы, пожалуй, лучше снова отметить, г. Амф. Лебедев видит зависимость и заимствования в наших суждениях о книге Василия Острожского, об «Изложении на лютеры» Ивана Наседки и о полемике московских богословов с Фильгобером. Но в числе литературных пособий наших о последних памятниках нами прямо называется именно и книга г. Соколова*. Таким образом, даже двойные ссылки (общая и частные) на сочинение г. Соколова нимало не действуют на нашего ученого критика: вопреки им, он говорит о «негласном» заимствовании.

Руководящее значение книги г. Соколова и здесь, в существенном ее отделе, совсем не походило на то, каким изображает его г. Амф. Лебедев. Русские противопротестантские полемические сочинения важны были г. Соколову не сами по себе, как свидетельство об отношениях русских к протестантству, а как материал, на основании которого он задался целью охарактеризовать отношения протестантства к Московской России. При такой искусственной постановке дела комментатору трудно было соблюсти меру в своем анализе их. Не оправдываемые действительностью, натяжки и гиперболизм в суждениях логически у г. Соколова вытекали еще из подозрения о существовании «тайных пропагандических сетей», будто бы расставленных протестантами «при каждом соприкосновении с православными». Работая над полемическими

* Указав на существующие издания книги Василия Острожского, мы продолжали (602 стр.): «Критические заметки о ней у Никольского..., Соколова, Отг. протест. в России. М., 1880, 69–71; Завитневича..., Каратаева... и др.». Сообщив вообще о рукописях «Изложения на лютеры» и о тех из них, по которым мы излагаем его, отмечаем (616 стр.): «См. также А. Никольского..., Соколова, 80 и след.». Приступая к обозрению полемики московских богословов с Фильгобером, мы, по значению рукописей, имевшихся у нас под руками, указываем (650–651 стр.): «См. также» статью (Никольского) в «Правосл. собеседн. 1801, II; проф. Петрова..., проф. прот. Н. Ф. Николаевского..., преосв. Макария..., кн. Соколова, 99 и след., рецензию на нее проф. Мальшевского; различные заметки в описаниях рукописей Моск. Син. библиот., Моск. Рум. муз..., И. Публ. библиот., Каз. Дух. акад..., Киевск. Дух. акад..., Импер. Акад. наук..., Царского..., Ундольского... и др.». Сочинение г. Соколова ставится нами среди других статей и сочинений по преимуществу в том порядке, какое оно занимает по времени своего появления.

памятниками далеко не первым, г. Соколов воспользовался весьма свободно прежними извлечениями, имеющимися в описаниях рукописей и в статьях о памятниках; многие из высказанных в статьях мыслей и предположений нашли в его книге или повторение, или дальнейшее и нередко *крайнее* развитие.

Яркое отражение всего этого встречается в суждениях г. Соколова о первых же по времени полемических сочинениях, о проповедях Максима Грека. Карамзин назвал одно сочинение преп. Максима словом «На лютеры»; преосв. Филарет в своем «Обзоре русской духовной литературы» счел направленными «против Лютера» пять сочинений, такое число удержали и казанские издатели творений Максима. Критика, под пером Никольского, Иконникова, преосв. Макария и пастора Фехтера, постепенно сокращая число, дошла до признания, что преп. Максим имел в виду не лютеран, а русских домашних вольнодумцев. Позднее их, г. Соколов, конечно, круто поворачивает к мнению преосвящ. Филарета и казанских издателей и доводит его до крайности. Сверх пяти догматико-полемических сочинений преп. Максима он признал, что «тем же сокровенным противолютеранским духом и направлением проникнуты... и сочинения Максима, относящиеся к нравственности». Причину отсутствия во всех их названиях Лютера или кого-либо из его предшественников и последователей г. Соколов объясняет соображением: «кажется, он (преп. Максим) держится той тактики, что новому, сильному врагу, одержавшему столько побед на Западе, всего целесообразнее наносить удар тайный, но верно рассчитанный, что для предостережения от него православных всего лучше раскрыть и обнажить его козни и ухищрения, скрывая его самого от неопытных, увлекающихся взоров» (57 стр.).

Непосредственное изучение сочинений Максима Грека и рукописных сборников, где сохраняются эти сочинения, знакомство с печатными описаниями сборников и точные справки с обстоятельствами жизни Максима привели нас к убеждению, что он писал собственно против домашних рационалистов и к их вразумлению, и что одно из таких его произведений, «Слово о поклонении св. икон», ближайшими учениками Максима было употреблено для борьбы с протестантством и внесено было в сборники под новыми названиями, подобно тому, как некоторые беседы инок Зиновия в опровержение Косого получили потом наименования бесед против Лютера и Кальвина и внесены в противоположные по-

лемические сборники. Наш вывод оказался ближе к суждениям тех авторов, которые осторожно относились к попыткам увеличить число протестантских сочинений Максима, причем нами сделан был специальный критический разбор существовавших мнений, в том числе и взгляда г. Соколова.

Свойства критики, которые применены были г. Соколовым в оценке творений преп. Максима, удержаны им в суждениях и о дальнейшем ряде русских полемических сочинений, и потому продолжало удерживать свой характер и наше отношение к его суждениям и к его передаче содержания памятников. Мы сочли себя только в праве почти совсем оставить прямую полемику, тем более что встречающиеся в литературе мнения здесь уже не так различны между собою, как мнения о произведениях Максима Грека. Прямо мы указали и исправили у г. Соколова лишь несколько уже слишком неудобных неточностей (с. 612, 614, 641–642, 651, 653, и др.).

Ввиду этих и подобных условий, суждения наши вообще ближе оказывались к мыслям прежних комментаторов; мыслей же, составляющих собственное достояние г. Соколова, мы могли принять сравнительно весьма немного. Но г. Амф. Лебедев, по свойственному ему обычаю произвольно находить и расширять тожество и сходство в суждениях и говорить обо всем с плеча, донельзя расширил это тожество, и, *не ознакомившись ни с одною из* указанных нами статей об этих полемических памятниках, все мысли, находящиеся в книге г. Соколова, счел оригинальными и, нимало не сумняся, заявил, что в нашем изложении тут «явно отражаются суждения г. Соколова»...

<...> Относительно поднимаемого г. Лебедевым вопроса о том, как учит протестантство об оправдании верою и о деятельной стороне в религии, мы спорить не будем. Предмет этот принадлежит области чисто богословской, где до сих пор еще не улеглись о нем разногласия специалистов*. Воззрение на данный предмет, в целом его виде, выработалось у нас, кроме полученного и заимствованного из книги г. Соколова, еще путем знакомства также с сочинениями преосв. Хрисанфа, прот. Иванцова-Платонова, Никольского, Крыжановского и др. Трактат преосв. Хрисанфа «Характер протестантства и его историческое развитие» (СПб., 1871) и рассуждения

* См., напр., явившийся недавно историко-критический очерк проф. Стукова «Лютеранский догмат об оправдании верою». Казань, 1891.

Никольского сильно отразились в мыслях и словах и г. Соколова*. Поясним еще, что в нашем тексте говорится не столько о том, как понимали и ценили протестанты вообще «деятельную сторону в религии», а деятельную сторону с «подчинением церковным преданиям и уставам» (520 стр.). И хотя рецензент, приводя выражения текста в отрывках, и затемняет нашу мысль и старается потом указать даже на требования в различных протестантских сектах «суровых нравов и беспощадной дисциплины», однако и последнее не ставит протестантство на одинаковый уровень и одинаковый ряд с православием: иначе для чего же были бы те ожесточенные нападения протестантизма и протестантов на «деятельную сторону» в христианстве, как учит о ней православие и как понимали ее русские люди? Об *этом* принципиальном *различии* между протестантизмом и православием, различии, выставляемом нами в объяснение происхождения спорных пунктов в русской противопротестантской полемической литературе, у нас главным образом и шла речь.

<...> Во взглядах нашем и г. Соколова на культурное служение иноземцев в России критик находит единственное (!) различие — в определении отношения иноземцев к русским. Костомаров некогда утверждал, что пребывание иностранцев в Московском государстве «не оказывало *ни малейшего* благодетельного влияния... на просвещение...; иностранцы *всеми* способами старались *отклонить* Россию стать в уровень с западными странами»; г. Соколов уже говорит, что члены протестантского просвещенного мира «*всеми* средствами и при *всяком* удобном случае внушали русской любознательности уважение к науке и оказывали *деятельные услуги* в ее юных научных стремлениях». Изучение разнообразных фактов привело нас к следующему выводу: «Образовательную роль немцев нужно понимать в условной, соответственной действительности форме. Она не отличалась глубиной действия: настоящей науки еще не было, полезные сведения сообщались в виде, так сказать, мастерства, и сама передача их носила характер *больше подневольный*, как это было у состоявших на русской службе и пользовавшихся привилегиями иноземцев...» (757–758 стр.).

* Приводимое, напр., критиком первое выражение г. Соколова: «Лютер обратил христианство в отвлеченную философскую систему», имеет ближайшим источником следующие слова Никольского (Т. К. Д. Ак., 1864, I, 7): «Лютер обратил христианство в отвлеченную, сухую, философскую систему». Затем см. книгу пр. Хрисанфа.

Г. Лебедев, разумеется, склоняется в пользу мнения г. Соколова, не замечая, что в экспансивных словах последнего об отменно-доброжелательном содействии протестантов просвещению русских сказывается тот же автор, который одновременно пишет, что «все зло, все причины» известных уже, испытанных протестантами в России «стеснений скрывались в самих протестантах» (15 стр.), что «все действия и отношения их к православным проникнуты духом отрицания, реакции» (72 стр.), что «наделенные *всеми* выгодами и удобствами общежития, протестанты... расставили свои тайные пропагандические сети на *всех* путях, при *каждом* соприкосновении с православными» (242 стр.), что они, при помощи своей «коварной» пропаганды, принимавшей «самый разнообразный, изменчивый и неуловимый характер» (162 стр.), играли существенную роль в образовании раскола, и патриарх Никон приступил к своим реформам «не без совета и одобрения» лучших из них, что в «новом законодательном строе монастырского нашего приказа», вошедшего в Уложение 1648 г., «*сильно* сквозит оттенок протестантского законодательства» (241 стр. и относящ. 117-е прим.), что доктор Келлерман «читал» Алексею Михайловичу газеты — доктор, заметим, прибывший в Россию после смерти Алексея Михайловича и долгое время, по незнанию русского языка, сносившийся через переводчика и с своими русскими пациентами... Подобные преувеличения и неточности естественны в книге г. Соколова. Правильное историческое исследование темы, поставленной в ней, может опираться только на *предварительном* изучении фактического и юридического положения, которым пользовались иностранцы в России, церковного и гражданского быта протестантов, их свойств и качеств, преследуемых ими целей и применяемых средств, и т. д. Без этого исследователю *нельзя* точно определять ни действительных границ, и «результатов просветительной деятельности иноземцев в России», ни «деятельных услуг» в науке и «отношении иноземцев к русским». И сам г. Соколов, ставя своею прямою задачею сферу церковно-религиозную, касается «культурного служения немцев в России» больше стороной, ограничивается привлечением литературы не особенно значительной по объему и, по-видимому, настаивает не столько на «деятельных услугах» просвещению русских, на прямом сообщении им знаний и умения, сколько на внушении «уважения к (западной) науке», — что весьма различно между собою. Последнее служило к прямой выгоде протестантов, поднимая их цену в мнении русских.

Вольный склоняться к какому угодно мнению, г. Амф. Лебедев, однако, не должен навязывать данным, сообщаемым в нашей книге, будто они свидетельствуют о подобном доброхотном отношении немцев к русским: пусть он вспомнит хоть «сговоры» иностранных купцов или поступки немцев с любознательными русскими подмастерьями даже на полуказенных и казенных заводах. Равным образом, ему никак не следует перетолкованием наших выражений приписывать нам мысль о «*совершенном* нежелании» иноземцев содействовать просвещению русских: эта мысль Костомарова, и мы прямо оспариваем ее (758 стр.), а признаем за иноземцами содействие «больше подневольное», в силу лежащих на них обязательств, за получаемые привилегии и жалованье, «не скрывать» от русских своего искусства и мастерства, обучать своим «заморским хитростям». С своей стороны, рецензент предлагает различать «знание прикладное» и «знание теоретическое», из которых первое «могло иногда хранить» свои секреты, а второе «всегда более или менее сообщительно». Но и это рассуждение критика не опирается ни на какие исторические факты.

<...> Мы только попросим здесь извинения у г. И. И. Соколова, что, поставленные в необходимость отстранять от себя вылазки услужливого добровольного ратоборца за него, вынуждены были, вопреки нашему желанию, потревожить теперь его книгу и сообщить часть и того, чего мы не позволили себе говорить о ней в нашем исследовании.

